

А. Н. АѦАНАСЪЕВЪ.

Болѣе полугодѡ прошло со дня рановременной смерти Александра Николаевича АѦанасьева, одного изъ наиболѣе почтенныхъ труженниковъ русской науки, одного изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, а между тѣмъ, многочисленныя „ученыя“ друзья покойнаго не дали до сихъ поръ сколько-нибудь связнаго біографическаго его очерка. Нѣсколько теплыхъ, задушевныхъ словъ сказаны были не этими друзьями покойнаго, а человѣкомъ ему далекимъ, очень мало знакомымъ съ нимъ, М. Ѧ. Де-Шуле (С.-Пет. Вѣд., № 298, окт. 29). Даже простое извѣстіе о смерти Александра Николаевича появилось едва-ли не черезъ мѣсяцъ послѣ кончины его и было предварено заявленіемъ иностранной печати, скорѣе чѣмъ русская, обратившей вниманіе на эту тяжелую потерю для нашей науки и литературы. Въ англійскомъ журналѣ „The Academy“, изданіи серьезномъ и очень скупомъ на некрологи, отводящемъ для нихъ мѣсто только въ случаѣ смерти особенно видныхъ дѣятелей науки, появился цѣлый столбецъ, посвященный извѣстію о кончинѣ А. Н. АѦанасьева. Вотъ что напечаталъ W. R. S. Ralston въ этомъ журналѣ, отъ 1-го ноября (20-го октября) 1871 г., № 35, ст. 491:

„Нѣсколько недѣль тому назадъ русская литература лишилась одного изъ наиболѣе достойныхъ своихъ дѣятелей. Преждевременная смерть Александра АѦанасьева оставляетъ въ рядахъ славянскихъ ученыхъ пробѣлъ, не легко пополняемый. Есть имена болѣе извѣстные въ русскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, чѣмъ было, или когда-нибудь было бы извѣстно имя АѦанасьева, но въ специальной области его дѣятельности никто его не превосходилъ. Какъ собиратель и комментаторъ русскихъ народныхъ сказокъ, онъ не имѣлъ соперниковъ и никто не сдѣлалъ, для общей пользы, такъ много, какъ онъ, въ дѣлѣ изслѣдованія богатаго собранія легендъ и пѣсенъ, превосходно сохранившихся у славянъ, которыми однако до недавняго времени такъ мало пользовались. Я получилъ изъ Россіи еще только простое извѣстіе о его смерти, поэтому набрасываемый мною очеркъ его жизни и трудовъ будетъ крайне не-

полонъ, но мнѣ хочется сказать хоть нѣсколько словъ о такомъ почтенномъ и честномъ ученомъ.

„Александръ Николаевичъ Афанасьевъ родился (21 іюля) 1826 г.; учился въ московскомъ университетѣ, а потомъ жилъ постоянно въ Москвѣ и занималъ тамъ должность секретаря городской думы. Нѣсколько времени тому назадъ, кажется, онъ отказался отъ этого мѣста, принявши на себя, или готовясь принять обязанности мирового судьи, въ новомъ учрежденіи. Но насъ болѣе интересуетъ дѣятельность его, какъ критика и компилятора, что и было настоящимъ его призваніемъ. Мы считаемъ излишнимъ приводить полный списокъ его разнообразныхъ сочиненій и скажемъ только, что этотъ въ высшей степени трудолюбивый писатель, сообщалъ въ русскіе журналы, газеты и сборники огромное количество критическихъ статей, отличавшихся большими достоинствами, по исторіи, археологіи и славянской литературѣ, въ особенности - же о Россіи. Два наиболѣе важныя изъ его сочиненій, на которыя мнѣ хочется обратить особенное вниманіе, это его собраніе „народныхъ сказокъ“ и полный, исчерпывающій свой предметъ, трактатъ: „О поэтическихъ воззрѣніяхъ древнихъ славянъ на природу“.

„Первое изъ этихъ изданій, озаглавленное: „Народныя русскія сказки“, было окончено въ 1863 г. и появилось въ 8-ми частяхъ, которыя въ переплетѣ составляютъ 4 большихъ тома. Они заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ рассказовъ, заимствованныхъ изъ устъ русскаго крестьянина, и изданы крайне добросовѣстно, такъ какъ вездѣ, гдѣ представлялась возможность, указываются имена тѣхъ лицъ, которыя сообщали ему эти рассказы, а равно приводятся и названія мѣстностей, въ которыхъ они были записаны. Къ каждой части издатель присоединилъ критическія примѣчанія, чрезвычайно важныя и заключающія въ себѣ тѣ результаты, къ которымъ онъ могъ прійти, благодаря своей обширной начитанности на многихъ языкахъ и спеціальному знакомству съ славянскимъ народнымъ творчествомъ и мифологіею.

„Выше всякихъ похвалъ другое его сочиненіе: „О поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“. Это богатый рудникъ для всякаго, кто желаетъ изучить настоящій предметъ, узнать множество легендъ, рассказываемыхъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ о небѣ и землѣ, солнцѣ и лунѣ, о горахъ и рѣкахъ, громѣ и вѣтрѣ; кто желаетъ составить нѣкоторое понятіе о той точкѣ зрѣнія, съ которой древніе славяне глядѣли на жизнь и смерть; кто хочетъ ознакомиться съ понятіями славянскихъ крестьянъ на-

шего времени объ окружающей ихъ физической природѣ и о томъ духовномъ мирѣ, какой они себѣ представляютъ. Третій томъ этого, наиболѣе цѣнимаго нами труда и учености Анансьева, былъ оконченъ только два года тому назадъ.

„Передо мной лежитъ экземпляръ этого тома, подаренный имъ мнѣ въ прошломъ году въ Москвѣ. Я провелъ съ нимъ очень короткое время въ его совершенно-русскомъ домѣ, стоявшемъ посреди такого обширнаго двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься въ деревнѣ, а не въ столичномъ городѣ. Комната его со всей ея обстановкою была именно въ томъ родѣ, въ какомъ можно было надѣяться встрѣтить въ домѣ такого истиннаго ученаго — повсюду книги и вездѣ слѣды и указанія на литературный трудъ. Да и самую личность своей онъ выражалъ идею высокаго труженика, труженика не изъ материальныхъ выгодъ, но изъ сердечной любви къ своему предмету и изъ благороднаго желанія извлечь изъ тьмы и вывести на свѣтъ литературныя сокровища, такъ долго скрывавшіяся въ малочитаемыхъ хроникахъ и другихъ неизвѣстныхъ памятникахъ, или же кроющіяся въ памяти народа, къ которой ученые обращаются еще менѣе. Въ то время, какъ я его видѣлъ, онъ казался исполненнымъ жизни и силъ; въ его наружности не было никакихъ признаковъ слабости или недуга, которые бы грозили ему смертью, а между тѣмъ, онъ умеръ около сорока шести лѣтъ отъ роду“.

Передавъ читателямъ этотъ очеркъ, считаю нужнымъ сдѣлать незначительныя оговорки. Анансьевъ, по окончаніи курса въ университетѣ, служилъ съ 1849 г. по 1862 г. въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Это было лучшее время его литературной дѣятельности. Списокъ его сочиненій, статей и изданій, преимущественно за это время (напечат. въ № 11-мъ „Русскаго Архива“ 1871 г.) представляетъ до 150 названій, а ни одна статья или даже замѣтка Александра Николаевича не была лишена научнаго значенія и интереса! Въ 1862 г., благодаря назойливости г. Кельсева, неожиданно-негаданно на нѣсколько минутъ появившемуся къ Анансьеву, онъ долженъ былъ оставить службу и съ этого года началась тяжкая для него эпоха, въ которую было не до литературныхъ трудовъ и занятій, а шло дѣло о кускѣ хлѣба для себя и семьи. Большая часть мнѣмыхъ друзей его исчезла безслѣдно; литературный трудъ не оплачивался; какихъ-либо даже частныхъ занятій онъ найти не могъ, по независѣвшимъ отъ него причинамъ. Долго крѣпился онъ и все-таки не покидалъ своихъ любимыхъ работъ; драгоценная библио-

тека его была сложена гдѣ-то въ сараѣ, ибо не умѣчалась въ тѣсной квартирѣ; наконецъ, онъ вынужденъ былъ и ее продать. У насъ, гдѣ тысячи платятся любителями за негодныхъ эльзевировъ и турецкія рукописи, не нашлось покупателя для превосходно-составленной библіотеки, наполненной рѣдкостями, которыхъ не найдешь ни за какія деньги. Эти-то рѣдкости пошли прежде всего въ продажу порознь, а потомъ, такимъ же образомъ, распродались и другія болѣе цѣнныя книги и изданія. Послѣ цѣлыхъ годовъ лишений и послѣ долгихъ стараній, удалось наконецъ АѦанасьеву получить мѣсто секретаря въ думѣ, съ небольшимъ жалованьемъ. Отсюда онъ перешелъ, черезъ годъ или два, секретаремъ въ мировой сѣздъ, и хотя здѣсь содержаніе было немного больше, но за то дѣломъ онъ былъ, какъ говорится, заваленъ: въ пріѣзды мои лѣтомъ въ Москву, я рѣдко находилъ его дома, но утромъ, въ срединѣ дня и вечеромъ, постоянно могъ найти его въ помѣщеніи сѣзда. Въ послѣдніе два или полтора года чахотка быстро разрушила его организмъ. Въ это время онъ предполагалъ баллотироваться въ мировые судьи и для „ценза“ приобрѣлъ домъ, о которомъ говоритъ Ральстонъ, домъ дешевый и купленный на половину въ кредитъ. Впрочемъ, кажется, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, АѦанасьевъ оставилъ свое намѣреніе, получивъ частное мѣсто болѣе спокойное и съ хорошимъ содержаніемъ. Но болѣзнь уже сдѣлала свое дѣло и честный труженикъ успокоился — въ могилѣ. Посланный врачами на кумысы, онъ уѣхалъ изъ Москвы въ концѣ мая или въ началѣ іюня, а возвратился въ послѣднихъ числахъ августа совѣмъ больной и 23-го сентября его ужъ не стало. Какъ человекъ, АѦанасьевъ отличался крайней прямою, честностью и добродушіемъ; такихъ людей, какъ онъ, рѣдко приходится встрѣчать. Какъ ученый, онъ превосходилъ многихъ, которыхъ имена пользуются болѣе противъ него извѣстностью... За мѣтку нашу мы кончимъ знаменательными словами Де-Пуле: „Было горемычное положеніе для нашихъ университетовъ — неоткуда было взять профессоровъ. Набирали кое-какъ и кое-кого, но обошли АѦанасьева, который былъ бы украшеніемъ кафедръ русскихъ древностей, литературы, исторіи, даже славянскихъ нарѣчій. Извѣстный ученый, сидящій въ Думской канцеляріи и продающій изъ крайней нужды свою библіотеку — и одновременно выгодно и прибыточно шествующія по проложенной имъ тропѣ разбогатѣвшія и разжирѣвшія посредственности полузнанія!“

П. А. Ефремовъ.